
Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М.:Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

От скверных крепких папирос в комнате волокнами стоял синий дым, чай все желтел, желтел и наконец обратился в холодную воду, в которой плавали размокшие кусочки лимона, а Коцуры все не было.

Хозяин квартиры, Сергей Хижняков, крепкий плечистый семиклассник-гимназист, ругался, не стесняясь в выражениях, и приводил в краску шестиклассника Пушкарева, беленького, чистенького, как куколка, мальчика.

- Черт его знает, наверное, у него ничего и нет, а так только нахвастал, а теперь и сам не знает, как увильнуть.

- Конечно, нет, куда ему, долговязому... нахвастал!

Но в это время дверь отворилась, за косяк взялись чьи-то костлявые пальцы, и в темноте передней показалась снимавшая калоши длинная и нескладная фигура семинариста Коцуры.

- Где ты там, черт, застрял?... ждем, ждем... иди скорее, - закричали ему все пять голосов.

Коцура ничего не ответил, снял калоши, повесил пальто на вешалку и вошел, длинный, белый, сухой, как мертвец.

- Ну, что ж?... Будешь читать? - спросил Альбов.

Коцура повел мертвыми, неподвижными глазами и глухо произнес:

- Я затем и пришел.

- Ну и вали... нечего мямлить.

Коцура прошел к столу, сел, вынул из кармана листок бумаги и опять обвел всех тяжелым, неповоротливым взглядом.

Все четыре гимназиста и кадет Большаков придвинулись ближе, некоторые даже потушили папиросы.

- Слушайте, - раздался глухой, мертвый голос Коцуры, - я хотел с вами поделиться мыслями о Боге.

- Ну, вали! - снисходительно махнул рукой Хижняков.

- Жарь! - отозвался Большаков.

- Перед каждым человеком. - заговорил Коцура, ни на кого не глядя, - рано или поздно, неизбежно встает ужасный вопрос о том, что с ним будет после смерти... Человек живет, страдает, борется и умирает, и все эти муки и усилия исчезают вместе с ним, как будто никогда ничего и не было... Это ужасно, и если люди, как кажется, мало думают об этом и все хлопочут о чем-то, то это только потому, что курица, которую несут резать, взявши за ноги, естественно должна больше думать о той боли, которую причиняют ей прилив крови к голове и руки кухарки, чем о смерти, которой она не понимает... Кх!...

Коцура закашлялся и сердито сказал:

- Что вы тут, черти полосатые, накурили до того, что дышать нельзя!

- Можно форточку открыть, - предложил Пушкарев.

- Не надо, - сердито возразил Коцура. - Ну, так вот... Кажется совершенно неестественным, чтобы человеческий ум мог совершенно исчезнуть; чтобы то, что говорило, страдало, понимало все окружающее, все запечатлевало в себе, кончалось полным небытием, как простая разрушенная машина. Ужас смерти, его полная безысходность, мука полной разлуки с миром и людьми так непереносимы для человека, что совершенно естественным и необходимым является учение о загробной жизни. В мечте о том, что со смертью еще не все будет кончено, что моя индивидуальность и после могилы будет жить, видеть и слышать то, что будет после нас, есть нечто такое светлое и радостное, что человек готов примириться иногда с очевидной необоснованностью, с явным вымыслом, лишь бы поверить в нее, в загробную жизнь... И люди в течение долгих веков в нее верили... Я, конечно, не стану напоминать вам о сущности всех вероучений, о загробной жизни, но я укажу на то, что несомненно в них является самым важным, без чего такая вера немислима, - на Бога.

Пушкарев пугливо покосился на Коцуру и покраснел.

- Что такое Бог? - вот вопрос, над которым мучились люди с самого начала сознания и до наших дней. Нечего говорить, что одна сторона вопроса,